

ПОДДЕРЖКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: ВЗГЛЯДЫ ЭЛИТЫ И МАССОВОЙ ПУБЛИКИ¹

Вячеслав Сафронов
Социологический институт РАН

ПРОБЛЕМА

Эволюция российского политического режима в 2000-е годы свидетельствует об отступлении от принципов демократии и укреплении авторитарных начал. Что же ждет Россию – консолидация политического режима, выстроенного при президенте Путине, или его изменение? И если изменение, то в каком направлении – к полному авторитаризму или к укреплению демократических начал?

Характеризуя результаты попыток демократизации в последние десятилетия прошлого века, Т. Каротерс указывает: «Большинство 'переходных стран' <...> оказались в серой политической зоне» (Carothers 2002, p. 9), не являясь ни диктатурами, ни демократиями. По его мнению, появившийся в России режим, как и формы правления во многих других странах этой зоны, можно охарактеризовать с помощью синдрома черт, обозначаемых термином «политика господствующей силы». В этих странах есть «ограниченное, но все же реальное политическое пространство, некоторые возможности для политической критики со стороны оппозиционных групп и хотя бы самые основные институциональные формы демократии», однако при этом «одна политическая группировка <...> доминирует в системе, так что на смену власти в предвидимом будущем остается мало шансов» (там же, pp. 11-12). Десять с лишним лет, прошедшие после исчезновения коммунистической системы правления, отмечает С. Уайт в 2003 г., действительно трудно описать в рамках парадигмы «переходов к демократии». Во многих посткоммунистических странах, как и в других частях развивающегося мира, сложились «наполовину авторитарные режимы» - в них можно «найти конкурентные выборы, сосуществующие с господствующей элитой, которая властвует, контролируя *de facto* экономику, средства массовой информации и органы правопорядка» (White 2003, p. 434). Еще в 1999 г., когда многие исследователи придерживались мнения о завершении перехода России к демократии и постановке на повестку дня проблемы ее консолидации, А. Браун писал, что это излишне оптимистическая позиция: «Постсоветскую Россию можно более точно охарактеризовать как гибридную политическую систему <...> - смесь демократии, деспотизма и клептократии» (Brown 1999, p. 3). Сопоставляя особенности нашей страны, выявленные в исследованиях ко второй половине 90-х гг., с синдромом условий, благоприятных для успешного демократического правления, Г. Экстейн дает отрицательный ответ на вопрос «Сможет ли демократия укорениться в постсоветской России?» (Eckstein 1998). Поддержка демократии была невыраженной и носила инструментальный характер, авторитарные ориентации и догматическое (synoptic) мышление доминировали в политической культуре. Гражданское общество являлось очень слабым – отсутствовали независимые от власти организованные группы и ассоциации, массовое членство в таких организациях. Низкими были и уровни доверия друг к другу, терпимости к социальным различиям, неопределенности и разногласиям, сочетающиеся с ориентациями на строгий порядок и предсказуемость. Экстейн резюмирует - «трудно вообразить менее вероятный случай успешной демократизации, чем Россия» (там же, p.376).

Подтверждая этот прогноз, политический режим при президенте В.В.Путине стал превращаться в авторитарную систему. Согласно исследованиям Дома свободы, появившаяся в нашей стране во второй половине 90-х гг. тенденция, свидетельствующая о постепенном отступлении от демократии, стала в 2000-е гг. особенно отчетливой, так что статус «частично свободной страны» в 2004 г. был изменен – Россия стала относиться к ряду недемократических, «несвободных» стран (Freedom House 2007; 2008). Причем состояние политических прав и гражданских свобод с каждым годом продолжало ухудшаться. Как указывает А. Паддингтон, в 2006 г. «в России отмечался умеренный спад» (Puddington 2007, p. 133), и заметное сокращение свободы в мире в 2007 г. «затронуло значительное число больших и политически важных стран, включая Россию» (Puddington 2008, p. 1). С этим согласен и Л. Даймонд - «в течение нескольких последних лет <...> мир сполз в демократическую рецессию», и в «больших, стратегически важных странах, таких как Нигерия и Россия, разрастание исполнительной власти, запугивание оппозиции и нарушения в электоральном процессе уничтожили даже самую основу электоральной демократии» (Diamond 2008, p. 36). Представление об укреплении в нашей стране при Путине авторитаризма разделяет преобладающее большинство исследователей российской политики в Европе и США (McFaul 2007, p. 13). Несмотря на сохранение формальных институтов демократии, были ослаблены политические противовесы президентской власти - уничтожены основные независимые средства массовой информации, парламент и региональные власти утратили свою автономию, уменьшилась роль независимых политических партий и организаций гражданского общества, судебная система не обрела самостоятельности, действуя под контролем исполнительных органов (McFaul 2007; McFaul, Stoner-Weiss 2008). Например, К. Стонер-Вейсс пишет - «к 2005 г. <...> Россию более нельзя считать демократией <...>. Страна стала в большей степени походить на автократические режимы Центральной Азии, чем на консолидированные демократии Восточной Европы» (Stoner-Weiss 2007, p. 1). По еще более резкому мнению П. Асснера, Путин «привел Россию к жесткой разновидности авторитаризма с некоторыми фашистскими чертами» (Hassner 2008, p. 7). А. Аслунд отмечает: «После восьми лет Путина стало очевидно, что его главным устремлением был демонтаж всех демократических институтов и построение авторитарной системы» (slund 2008, p. 19). Однако, как следует из обзора современного состояния исследований, посвященных российской политике (Sakwa 2008a), точке зрения, согласно которой переходный период в России завершен – она оказалась неспособной к установлению даже начатков либеральной демократии, противостоит позиция исследователей, считающих, что система остается гибкой и динамичной - бесспорные дефекты посткоммунистического режима могут быть со временем устранены в рамках существующего конституционного устройства. «Правление Путина, - по мнению Р. Саквы, полное противоречий, - представляло особый тип нео-авторитарной стабилизации, не отвергающей демократические принципы конституционного порядка <...>, но и не позволяющей полностью раскрыться потенциалу демократического устройства» (Sakwa 2008b, p. 882). Хотя в опреде-

1 Исследование выполнено при поддержке РФНФ, грант № 07-03-00465а.

ленной степени у режима была общественная поддержка, «необходимость обращения к административному вмешательству в политические процессы отражала признаки кризиса легитимности». Персоналистская система, оторванная от организованных интересов и опирающаяся на харизму лидера, неустойчива, так что преемник Путина «будет вынужден либо допустить расширение политического плюрализма и более глубокую институционализацию конституционных процессов, либо совершить радикальный поворот к неприкрытому авторитаризму» (там же, p. 896-897).

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСНОВАНИЕ

Вероятность сохранения или изменения режима в значительной степени зависит от того, имеет ли существующая система поддержку в обществе, особенно среди элиты, а вектор изменения – от доминирующих у граждан и элит представлений о ее желательном устройстве. «Длительный успех политического устройства <...> зависит от глубокой, диффузной, безусловной, исторически и культурно укорененной легитимности» (Eckstein 1998, p. 357). Не менее важна поддержка и для консолидации вновь созданного политического устройства: «Новый режим, не способный обеспечить поддержку или хотя бы вынужденное принятие у большинства своего населения, - пишут Р. Роуз, У. Мишлер и Н. Манро в книге, посвященной России, - является уязвимым, он может развалиться и исчезнуть еще до того, как достигнет состояния устойчивого равновесия» (Rose, Mishler, and Munro 2006, p. 18). Согласно Д. Истону (Easton 1965), заложившему теоретические основания рассматриваемого подхода, поддержка политической системы со стороны ее членов, наряду со способностью системы удовлетворять поступающие от них требования, - важнейшее условие ее стабильности. В работе, резюмирующей основные идеи системного подхода к анализу политической жизни, Истон пишет: «Сколь бы успешной ни была система при преодолении напряжения, вызываемого требованиями, для обеспечения дальнейшего ее функционирования как системы процессов, превращающих пожелания в результаты, ключевую роль играет и другой вход - поддержка», которая может проявляться «как в форме отношения [к системе], так и поведения» (Easton 1966, p.10). Мерой поддержки может служить соотношение членов системы, выступающих за и против нее с учетом их влияния в обществе, интенсивности чувств, способности и готовности действовать. Выделяются три «объекта», референта поддержки: «Во-первых, поддержка жизненно важна для сохранения группы людей, признающих разделение политических ролей, - аспекта системы, который будет идентифицироваться как политическое сообщество. Во-вторых, без поддержки было бы невозможным обеспечить определенную стабильность правил и структур, посредством которых требования конвертируются в результаты, - аспекта, обозначаемого как режим. В-третьих, без поддержки, по крайней мере, некоторых лиц, обладающих политической властью, требования не могут быть преобразованы в результаты. Большинство систем нуждается в относительно стабильном составе властей» (там же, p.11). Особое значение имеет отношение к системе ее наиболее влиятельных членов, элиты: «Поддержка системы всеми членами не является обязательной для сохранения политического объекта, как нет необходимости и в утрате поддержки со стороны всех членов для его изменения. Согласно многим важным примерам, поддержка всего лишь немногими влиятельными членами была достаточной для сохранения системы» (там же, p.16). Важное понятийное разграничение, введенное Д. Истоном, - специфическая поддержка, которая вызывается удовлетворением конкретных нужд тех или иных членов систе-

мы вследствие принятия властями соответствующих решений, отделяется от диффузной поддержки, поскольку «ни один режим или сообщество не может зависеть исключительно или даже по преимуществу от поддержки как реакции на конкретный и поддающийся учету выигрыш». Диффузная поддержка «может порождаться усилиями по привитию у членов глубокого чувства легитимности по отношению к режиму в целом и к лицам, действующим от его имени, апелляцией к символам общего интереса и поощрению и укреплению степени идентификации членов с политическим сообществом». Такая поддержка свидетельствует о преданности объекту как таковому, образуя «резервы политической благосклонности», и такое глубоко укорененное отношение к нему непросто изменить, даже если результаты политических решений вызывают разочарование (Easton 1966, p.18).

Эти теоретические положения и по сегодняшний день служат ориентирами, позволяющими систематически исследовать политическую поддержку (Norris 2010, ch. 2). Так, в книге «Критичные граждане: глобальная поддержка демократического правления», обобщающей результаты исследований по данной проблеме, эта поддержка понимается как многомерный феномен, упорядоченный от наиболее диффузного уровня к наиболее конкретным проявлениям. Она охватывает: наиболее общие чувства людей, характеризующие их принадлежность к сообществу граждан данной страны, - национальной гордости или идентичности; поддержку общих принципов режима – демократических или авторитарных ценностей; общие оценки функционирования режима; доверие государственным институтам и, наконец, доверие властям – лидерам и политикам, находящимся у власти. Общий вывод, к которому приходят авторы этого тома (Norris, Ed. 1999), - во многих странах граждане все более скептически высказываются о работе ключевых институтов представительной демократии – о политических партиях, парламентах, правительствах, продолжая в то же время придерживаться идеалов, ценностей, принципов демократии. Это заключение относится и к стабильным демократиям развитых западных стран – в ряде исследований было показано, что в последние десятилетия их граждане с возрастающим недовольством относились к политикам, партиям и политическим институтам (Dalton 1998; Dalton and Klingemann 2007; Pharr, Putnam, and Dalton 2000). Рассогласование политических практик с стремлениями граждан вело к нарастанию числа «критичных граждан», требующих дальнейшей демократизации. Падение доверия действующим институтам и появление публики, приверженной ценностям свободы и способной бросить элитам вызов, отмечают Р. Инглехарт и К. Велцел, «мы считаем благоприятным для демократии» (Inglehart and Welzel 2005, p. 253).

Потенциал укрепления в нашей стране авторитаризма или его ослабления и возврата к демократической политике, согласно изложенной теоретической перспективе, будет зависеть от поддержки в обществе и среди элит той политической системы, которая была выстроена к концу второго президентского срока В.В. Путина. Если значительная часть наших сограждан или, что еще важнее, элиты относится к категории «критичных граждан» - придерживается демократических ценностей и убеждений и одновременно выражает недовольство путинским режимом, повышается вероятность нового этапа демократизации. Напротив, стабилизации авторитарного правления следует ожидать в том случае, если нынешняя политическая система окажется легитимной в глазах элиты и массовой публики, не придающих особого значения демократическим ценностям. В настоящей работе мы попытаемся внести свой вклад в прояснение этой проблемы. Сначала будут рассмотрены результаты недавних исследова-

дований, свидетельствующих о поддержке общественным мнением и элитами политической системы, сложившейся в стране к окончанию второго президентского срока В.В. Путина. Затем представлен развернутый анализ полученных нами в Санкт-Петербурге данных опросов массовой публики и элиты, который позволит судить о степени их лояльности этой системе и выраженности критического к ней отношения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА В СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИИ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ И ВОЗЗРЕНИЙ ЭЛИТЫ

Следуя концептуализации П. Норрис, политическая поддержка в нашем исследовании будет рассматриваться как многоуровневый феномен, проявляющийся в идентификации участников опросов со своей страной, приверженности основным принципам и ценностям политического режима, позитивных общих оценках его функционирования, доверия институтам режима и, наконец, одобрения руководства - лиц, наделенных властью (Norris 2010, Figure 2.1). Оставляя в стороне вопрос о специфической поддержке тех или иных решений, принимавшихся в годы путинского правления, в настоящем обзоре мы сосредоточим внимание на диффузной поддержке, относящейся к перечисленным референтам, поскольку именно она, как отмечалось при изложении концепции Д. Истона, особенно важна для стабилизации существующей системы правления. Материалы массовых опросов содержат многочисленные свидетельства, позволяющие охарактеризовать различные аспекты отношения наших сограждан к политической системе, сложившейся при Путине. Исследования представлений элиты, все еще единичные и противоречивые по своим результатам, все же позволяют в первом приближении описать мнения различных ее фракций о некоторых сторонах путинского режима.

Поддержка политической системы в общественном мнении

Идентификация с государством

Один из признанных показателей степени единства «политического сообщества», идентификации людей со своей страной – выраженность у них чувства гордости, связанного с принадлежностью к числу ее граждан. Как показали В.С. Магун и А.В. Магун (данные International Social Survey Programme 2003), почти 80% населения нашей страны гордятся тем, что являются гражданами России, хотя вариант ответа «очень горжусь» выбрали только около трети респондентов (2007, Табл. 10). Располагаясь по этому показателю гордости ближе к странам с низкими значениями, Россия стоит все же не в самом низу. Однако при сопоставлении стран по интегральному показателю, учитывающему оценки достижений в отдельных сферах, она опускается к самому концу списка. Если в нашей стране и есть достижения, которыми можно гордиться (ее история, искусство), то к состоянию демократии это явно не относится: лишь у 13% это чувство связано с политическим устройством, тогда как две трети его не испытывают (там же, Табл. 12). Р. Роуз и У. Мишлер приводят результаты пяти опросов, проведенных между 1998 и 2005 г., согласно которым почти три четверти россиян были объединены чувством принадлежности к «политическому сообществу», испытывая гордость оттого, что являются гражданами нашей страны, однако их число при Путине не только не выросло, но даже немного уменьшилось (Mishler, Rose 2007, p.826, Figure 2A). Уровни гражд-

данской гордости, зафиксированные Левада-Центром, в 2000, 2003 и 2008 гг. близки к приведенным оценкам, составляя соответственно 79%, 71% и 84%, причем это чувство, похоже, постепенно укреплялось – если в начале десятилетия доля ответов «очень горжусь» равнялась примерно трети, то в 2008 г. - уже 47% (Общественное мнение 2008, с. 135, Табл. 21.3).

Хотя представленные данные едва ли позволяют говорить об угрозе политической целостности страны, тот факт, что почти каждый пятый-четвертый в России не испытывает эмоциональной привязанности к государству, а у тех, кто испытывает, она не связана с политическим устройством, - несомненный признак того, что не все благополучно в нашей нынешней политической системе.

Ценности режима

Рассмотрим результаты опросов, свидетельствующие об отношении россиян к базисным принципам режима. Ориентируются ли они на ценности демократии или же отдают предпочтение авторитарной форме правления? Обзор исследований по этой проблеме и результаты анализа, приведенные в нашей предшествующей работе (Сафронов 2007), позволяют утверждать, что в конце прошлого – начале нынешнего десятилетия в российской политической культуре оказались смешанными авторитарные и демократические воззрения. Относительное большинство признавало демократию лучшей формой правления, однако, если респондентам предлагалось выбрать наиболее подходящую для нашей страны политическую систему, сопоставляя демократию западного образца, новое российское устройство и прежнюю советскую систему, предпочтение отдавалось последней. Многие из наших сограждан были уверены, что при определенных обстоятельствах авторитарный режим лучше демократического, и сторонников такой точки зрения насчитывалось ничуть не меньше, чем тех, кто при любых условиях отдавал предпочтение демократии. В том случае, когда при обсуждении перспектив развития российского общества приходилось выбирать между демократическими свободами, с одной стороны, и, с другой, наведением в стране порядка или материальным благополучием, преобладающая часть участников опросов в жертву приносили демократию. Очень многие были убеждены в том, что наш народ не может жить без «сильной руки», по крайней мере, в нынешний непростой период. Динамика некоторых показателей свидетельствует: в течение первого постсоветского десятилетия поддержка демократии снижалась. Эта поддержка была в России конца 90-х гг. одной из самых низких в мире и заметно слабее, чем в большинстве посткоммунистических стран Европы, не говоря уже о развитых западных демократиях.

Такое смешение демократических и авторитарных представлений отчетливо просматривается и в интересующий нас период – во второй половине текущего десятилетия, когда со всей определенностью уже проявились характерные особенности нынешнего политического режима. А. Лукин полагает, что поддержка в нашем обществе авторитарного режима, выстроенного при Путине, связана с тем, что «он соответствует политическому идеалу и политической культуре большинства населения» (LuKin 2009, p. 89). Этот идеал, не претерпевший серьезных изменений с 1940-х гг. (как свидетельствуют исследования советских эмигрантов в конце сталинской эры и в брежневскую эпоху, а также опросы населения страны при Горбачеве, Ельцине и Путине), не соответствует либерально-демократической системе западного типа. Он подразумевает всевластное государство со статусом влиятельной мировой державы, возглавляемое сильным лидером и несущее ответственность за повышение уровня жизни народа и обеспечение широких социальных га-

рантий, а также за развитие ключевых отраслей экономики, в которых должна сохраняться государственная собственность (там же, pp. 69-70). Именно при Путине вектор преобразований был сдвинут в сторону этих представлений, обеспечивая легитимность созданному им режиму. По данным ВЦИОМ, утверждает В.В. Петухов, «опасения, что российская “почва” отвергнет демократические институты и ценности, выглядят явно преувеличенными» (Petukhov 2008, p. 4): в последнее время отчетливое большинство (58%) считало предпочтительной для России демократическую форму правления, тогда как противоположное мнение встречалось гораздо реже (36%). Согласно приведенным М. Орджоникидзе результатам опросов, в конце 2006 г. лишь «12% респондентов заявляют, что “демократия не подходит для России”», и «около 50% респондентов говорят, что “России нужна демократия”» (Ordzhonikidze 2008, p. 10). Нужна, но не западного образца - при выборе между устройством по этому образцу, советской политической системой и нынешней системой за него были лишь 16% - наименьшая за десятилетие доля (там же, p. 12, Table 1). Не поддерживая принцип разделения властей, большинство (62%) выступает за то, чтобы работа правительства, парламента и судов координировалась президентом страны (там же, p. 11), более двух третей - за усиление роли президента и правительства в экономике и политической жизни страны (там же, p. 24, Table 11). Лишь очень немногие (15 – 25%) признают, что политические права и гражданские свободы имеют для них большое значение (там же, p. 21). «Массовое неприятие в стране европейских ценностей, - заключает Орджоникидзе, - препятствует российским властям проводить <...> реформы, направленные на усиление рыночной экономики и дальнейшую демократизацию» (Ordzhonikidze 2008, p. 35). И все же - средний российский гражданин относится «очень позитивно к демократии как идеалу» (Rose, Mishler, and Munro 2008, p. 94). Большинство россиян отмечают, что им важно жить в стране с демократической формой правления (см. World Values Survey, российские данные 2006 г. на <http://www.worldvaluessurvey.org>).

Наиболее полный источник сведений о политических предпочтениях российских граждан, позволяющий судить об их нынешнем состоянии и тенденциях изменения, - опросы Левада-Центра, результаты которых можно найти в сборниках «Общественное мнение»² за последние годы (см.: <http://www.levada.ru/sborniki.html>). С середины 90-х гг. до избрания президентом В.В. Путина большинство россиян, выбирая лучшую политическую систему между демократией по образцу западных стран, советской и существующей в стране системами, неизменно называли советское устройство. Эту позицию разделяли более двух пятых респондентов, примерно каждый четвертый поддерживал западную демократию, а постсоветскую систему – в лучшем случае каждый десятый. В 2000-е годы предпочтения стали меняться: советский режим, все еще собирая относительное большинство голосов, постепенно терял своих сторонников, как теряла их и западная демократия, за счет укрепления позиций путинского режима (ОМ 2008, с. 21, График 3.2). В феврале 2008 г. этот режим уже получает наибольшую долю голосов (36%), следом идет советская система (лишь 24%), а западная демократия оказалась наименее востребованной (15%). Согласно другим сведениям, в начале 2008 г. большая часть наших сограждан (51%) соглашались, что «демократическая модель устройства общества, принятая на Западе» не подходит для России (подходит - 35%) (ОМ 2008, с. 148, Табл. 22.12). В октябре 2008 г. более тре-

ти респондентов считали, что западная демократия для нашей страны непригодна, и лишь каждый десятый был уверен в ее необходимости для развития страны. Мнение относительного большинства (44%), тем не менее, - она «подходит для России, но требует существенных изменений» (ОМ 2008, с. 147, Табл. 22.11). С 2005 по 2008 г. явное большинство (две трети или немногим менее) заявляли, что России нужна демократия, и только около пятой части респондентов полагали – «демократическая форма правления не для России». Какая же демократия нам нужна? «Совершенно особая, соответствующая национальным традициям и специфике России», - неизменно в течение этих четырех лет отвечала почти половина участников опросов, а за демократию, «как в развитых странах Европы, Америки», подавал голос только каждый пятый (ОМ 2008, с. 24, Табл. 3.14, 3.15).

Высказываясь за демократию, хотя и не в аутентичной западной форме, наши сограждане одновременно выступают в поддержку автократии, причем со времени перестройки до настоящего момента эта поддержка становилась все более отчетливо выраженной (ОМ 2008, с. 28, Табл. 3.30). Если в 1989 г. четверть респондентов полагала, что «нашему народу постоянно нужна “сильная рука”», властный руководитель, а в середине 90-х гг. этого мнения придерживалась примерно треть россиян, то к 2008 г. его разделяли уже около 45% взрослых граждан страны, и еще 29% признавали, что в нынешней непростой ситуации целесообразно сосредоточить всю полноту власти в одних руках. В конце советской эпохи 44% заявляли: «Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека», а сегодня так думает даже не каждый пятый.

Р. Пайпс пишет: «Российские граждане <...> выше всего ценят стабильность. Ограниченное и короткое знакомство с демократией <...> убедило их в том, что она не несет ничего кроме анархии и преступности» и, выбирая между свободой и порядком, «они в подавляющем большинстве выбирают последний» (Pipes 2008, p.32). Отвечая на вопрос: «Что сейчас важнее для России: порядок в государстве или соблюдение прав человека?», абсолютное большинство сегодня, как и прежде, выбирает порядок: в 1997 г. соотношение мнений было 60%:27%, в 2007 – 54%:36% и 2008 г. – 51%:39% (ОМ 2008, с. 102, Табл. 15.1). Но тенденция здесь, в противоположность укреплению позиций сторонников «сильной руки», - к более широкой поддержке демократических ценностей. Эта тенденция проявляется и в ответах на похожий вопрос, когда респондентам предлагалось указать, что важнее для России – «порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторые нарушения демократических принципов и ограничения личных свобод» или «демократия, даже если последовательное соблюдение демократических принципов предоставляет определенную свободу разрушительным и криминальным элементам», однако в этом случае авторитарной позиции и поныне продолжало придерживаться преобладающее большинство опрошенных: в 2000 г. - 81%, в середине текущего десятилетия – около 75%, а в 2007 г. -68% (ОМ 2007, с. 18, Табл. 2.8).

Хотя автократия остается для многих привлекательной, и порядок ценится выше демократии, принципы демократического устройства все же находят поддержку в нашем обществе. В 2007 г. две трети заявляли: «Необходимо, чтобы власть была под контролем граждан», даже если она и так действует в интересах народа (ОМ 2007, с. 22, Табл. 2.23). Выборы не оставляют большинство россиян равнодушными: в канун избрания президента страны в 2008 г. 76% испытывали интерес к этим выборам, хотя аналогичный показатель для думских выборов 2007 г. был заметно ниже – 55% (ОМ 2008, с.75, Табл. 10.4; ОМ 2007, с. 104, Табл. 8.19). Электоральное участие, согласно доми-

2 в дальнейшем ссылки на сборники Левада-Центра «Общественное мнение 2007» и «Общественное мнение 2008» даются как ОМ 2007 и ОМ 2008.

нирующему в 2007 г. мнению, было мотивировано желанием потенциальных избирателей исполнить свой гражданский долг (60%), но также и их стремлением оказать влияние на политику (выразить свою политическую позицию, принять участие в общественной жизни, поддержать свою партию и уменьшить шансы оппонентов – в совокупности 52% неальтернативных мнений) (ОМ 2007, с. 108, Табл. 8.35).

Большинство в нашей стране, по данным семи опросов, проведенных в 2000-е гг., выступает за многопартийную систему. Лишь 6-7% считали, что политические партии вообще не нужны, около трети поддерживали однопартийное устройство, тогда как более двух пятых признавали необходимость двух или трех крупных партий и еще небольшая часть (от 4% до 8%) – многих небольших партий (ОМ 2008, с. 72, Табл. 9.1). Так что в 2007-2008 гг. 53% респондентов ориентировались на многопартийность. Согласно опросу ФОМ (лето 2006 г.), отмечает Г. Кертман, относительное большинство российских граждан (45%) действительно признавало необходимость существования в нашей стране многопартийной системы (хотя немало было и тех, кто выступал за однопартийное устройство или заявлял о ненужности партий вообще – 35%), однако тех, кто связывает многопартийность с межпартийной конкуренцией, было лишь около четверти респондентов (Kertman 2008).

Две трети в 2007 г. были убеждены, что «свободная критика власти полезна для России» (ОМ 2007, с. 119, Табл. 8.77). Около 60% респондентов в каждом из пяти ежегодных опросов с 2004 по 2008 гг. соглашались с тем, что в России должна существовать политическая оппозиция власти (ОМ 2008, с. 85, Табл. 11.4). Примерно такой же уровень поддержки этой позиции был получен в исследованиях 2001, 2002, 2004 и 2007 гг. в ответах на близкий по смыслу вопрос: «Нужны ли в России общественные движения, партии, которые бы находились в оппозиции президенту и могли оказывать серьезное влияние на жизнь страны?»: так, в двух последних из этих опросов утвердительный ответ дали две трети участвовавших в них людей (ОМ 2007, с. 118, Табл. 8.71). Больше половины респондентов (55%) в 2008 г. заявляли: «Уличные митинги и демонстрации – это нормальные демократические средства достижения гражданами своих целей, и власти не вправе их запрещать», и заметно меньше было сторонников запрета таких акций, если они «мешают окружающим или ведут к беспорядкам» (32%) (ОМ 2008, с. 91, Табл. 11.26). В 2007 г. примерно три четверти были согласны с тем, что оппозиция должна иметь право на проведение массовых митингов и демонстраций, 71% считали – в демократическом государстве запреты на проведение этих акций недопустимы, и немногим менее 60% полагали, что власть не должна иметь права их запрещать (ОМ 2007, с. 124, Табл. 8.95 и 8.92, с. 125, Табл. 8.96).

Немалая часть граждан, согласно семи опросам, проведенным между 1990 и 2008 гг., связывает надежды на благополучие народа не с «достойными людьми в руководстве» (около трети мнений), а с укреплением правового государства – «надежными, реально действующими законами» (более 50% мнений, в 2008 г. – 59%) (ОМ 2008, с. 27, Табл. 3.28). Для улучшения работы судов нужно, по мнению 70% в 2005 г. и 60% в 2007 г., чтобы они не зависели от президента и других властей (ОМ 2007, с. 91, Табл. 7.4.21). Свобода СМИ также имеет многочисленных сторонников. Было бы лучше, считают в 2008 г. 72% респондентов, если «каждая газета будет предлагать свои оценки событий, происходящих в стране», и 60% утверждают: «Необходимы независимые от государства телевизионные каналы, освещающие общественно-политические события в стране и за рубежом» (ОМ 2008, с. 100, Табл. 14.5; с.99, Табл. 14.2). В то же время, в 2002, 2007 и 2008

гг. только каждый пятый был уверен, что «любая цензура недопустима», тогда как более двух пятых полагали: «Государство должно запрещать книги и фильмы, которые оскорбляют нравственность», и еще треть выступала за ограничение распространения продукции «сомнительного содержания» (ОМ 2008, с.99, Табл. 14.3).

Итак, в последние годы большинство российских граждан признавали демократию лучшей формой правления, хотели жить в демократической стране и высказывались за ее укрепление в России, полагая, однако, что ориентироваться надо не на западный образец, а создавать свою, специфическую ее разновидность. Тем не менее, сформировавшиеся на Западе институты демократии, подразумевающие избираемость власти и ее подконтрольность общественности, многопартийность, существование политической оппозиции, свободу критики власти и организованного ее выражения, правовое государство и независимость судебной власти, свободу СМИ, – это именно то, к чему стремятся многие наши сограждане. Но далеко не все демократические ориентации разделяются отчетливым большинством в обществе, и они все еще сплетаются с авторитарными убеждениями – очень многие продолжают уповать на сильного лидера и ценят порядок выше демократических свобод. Экономические успехи страны в текущем десятилетии, обусловленные главным образом мировой конъюнктурой на рынках энергоносителей, сказались, вероятно, противоречивым образом на этих представлениях, способствуя, судя по трендам, как постепенному укреплению демократических ценностей, так и веры в сильного лидера.

Оценки путинского режима, институтов и руководства страной

На протяжении ряда лет, с 1995 по 2003 г., в нашем обществе, согласно опросам Левада-Центра, преобладало мнение, согласно которому «было бы лучше, если бы все в стране оставалось таким, каким было до начала перестройки» (так считали более 50% респондентов), и только в последующие пять лет все меньше людей с этим соглашались. В 2008 г. его разделяли уже только 38%, а доля несогласных превысила 50-ти процентный рубеж (53%) (ОМ 2008, с. 176, Табл. 23.18). По данным Р. Роуза, в 2000 г. лишь 13% россиян считали наше общество «нормальным», тогда как в 2007 г. такого мнения придерживались уже 46% (Rose 2008, p. 78, Table 1). В 2000 г. 83% россиян отметили, что за десятилетие уважение к власти ослабло, и только каждый десятый полагал – уважения стало больше. В 2007 г. первой из этих позиций придерживались уже только 38%, тогда как второй – 44%: при Путине к власти стали относиться в нашем обществе определенно с большим почтением, чем при его предшественнике на посту президента (ОМ 2007, с. 179, Табл. 16.1). Как показывают эти оценки, к 2008 г. все больше людей в нашей стране стали позитивно воспринимать изменения в обществе, которые произошли при президенте В.В. Путине, – в силу ли преобразований, которые он осуществил, или повышения уровня жизни вследствие экономического роста, обусловленного благоприятными условиями после кризиса 1998 г. и конъюнктурой на мировых рынках энергоносителей (McFaul and Stoner-Weiss 2008). Как же российские граждане стали в это время относиться к властям и созданию при Путине политическому режиму?

По данным Левада-Центра, в 2008 г. только 29% признавали «демократию, сложившуюся сегодня в России» лучшей формой государственного устройства, тогда как 44% полагали: «Существуют лучшие формы государственного устройства» (ОМ 2008, с. 158, Табл. 22.45). А «средний российский гражданин дает оценку новому режиму посередине между демократией и диктатурой» (Rose, Mishler, and Munro 2008, p. 94). Только каждый десятый в 2004 г.

считал Россию демократической страной, и к 2007 г. этого мнения придерживалась ненамного большая доля респондентов – 16% (ОМ 2007, с. 18, Табл. 2.11).

В 2007 г. практически никто в нашей стране не сомневался в существовании разрыва между властью и народом, причем 45% считали, что за восемь лет при Путине этот разрыв увеличился, и только 11% заметили сокращение. А вот возможности контролировать деятельность власти у граждан, по мнению 37% опрошенных, как не было, так и нет, и еще 21% отметили, что за эти восемь лет такие возможности сократились (увеличились – лишь 7%). «Рядовые граждане» в этот период, как считала почти четверть респондентов, были лишены также возможности участвовать в политике, и каждый пятый заявлял, что по сравнению с концом 90-х гг. ситуация ухудшилась (улучшилась – 12%) (ОМ 2007, с. 15, Табл. 2.3). Три четверти считали, что партии и депутаты свои предвыборные обещания не выполняют (ОМ 2007, с. 112, Табл. 8.48). В 2008 г. лишь каждый четвертый полагал, что граждане нашей страны способны хоть в какой-то мере контролировать деятельность государственных органов, а около двух пятых совершенно не признавали этого и еще 28% считали, что власть подконтрольна гражданам «крайне незначительно» (ОМ 2008, с. 148, Табл. 22.14). Отвечая в 2007 г. на вопрос «могут ли такие люди, как Вы, сейчас влиять на принятие государственных решений в стране», положительный ответ также давали только около четверти респондентов (в 2006 г. – 15%), а отрицательный – 72% (в предыдущий год – 84%) (ОМ 2007, с. 21, Табл. 2.20). Оценки возможности личного влияния на политические процессы в 2008 г. еще контрастнее: 8%:87%, причем 51% отвечает «определенно нет» и еще 36% - «скорее, нет» (ОМ 2008, с. 21, Табл. 3.7). Десять человек из каждых десяти говорят (в 2006 и 2008 гг.), что могут повлиять на происходящее в стране лишь в незначительной мере или совершенно этого не могут, а тех, кто аналогичным образом оценивает свое влияние в городе, районе или селе, было ненамного меньше (86-88%) (ОМ 2008, с. 86, Табл. 11.7).

Около двух третей опрошенных склонялись в 2008 г. к мнению, что в случае нарушения их прав или интересов им не удалось бы их отстоять в сегодняшней России (ОМ 2008, с. 102, Табл. 15.3). В 2006 и 2007 гг. реакция большинства (более 60%) на вопрос: «Можно ли <...> рядовому человеку в России надеяться на справедливый суд?», была отрицательной (ОМ 2007, с. 91, Табл. 7.4.20). Нарушение прав человека в современной России признавали в 2007 г. 71%, а не соглашались с ними лишь 17% опрошенных. Больше половины не сомневались в применении пыток с целью «выбивания» из подозреваемых признания в совершении преступления (57%, а отрицали это только 18%), правда, далеко не все решительно выступали против этого (47% заявили «определенно нет» на вопрос об оправданности применения пыток, и еще 22% сказали «скорее, нет») (ОМ 2007, с. 166, Табл. 14.7; с. 167, Табл. 14.9 и 14.10).

Как видно из приведенных фактов, российские граждане не считают нынешнюю политическую систему демократической.

Исследования Р. Роуза, У. Мишлера и Н. Манро позволяют, опираясь на материалы четырнадцати опросов Барометра новой России, проследить изменения в отношении российских граждан к постсоветской политической системе на протяжении всего периода ее существования и сравнить мнения о ней с тем, как оценивалась все эти годы советская система (Rose, Mishler, and Munro 2006). Россияне «неизменно придерживаются разных мнений, когда их спрашивают, одобряют ли они нынешний режим, – доля, выражающая поддержку, то возрастает, то снижается. Подобное разногласие есть и по поводу одобрения альтернативных режимов, идет ли речь о дикта-

туре сильного лидера или возврате коммунистической системы» (там же, с. 14). Результаты этих исследований показывают, что средние оценки постсоветского режима постепенно росли – отчетливое негативное отношение в первые годы его существования менялось на нейтральное, а при Путине позитивные мнения стали даже заметно перевешивать негативные, однако к 2005 г. их соотношение выровнялось (Mishler, Rose 2007, p.826, Figure 2C). В то же время, советская система, какой она была до перестройки, оценивалась на протяжении всего периода гораздо выше, чем новый режим, и с годами мнение о ней только улучшалось, превращаясь в среднем из нейтрального во все более позитивное (там же, Figure 2B). Поиск факторов, объясняющих эти тенденции в отношении россиян к прежней и новой системе правления, приводит авторов к заключению о том, что «социализация в авторитарной культуре <...> сама по себе не является непреодолимым препятствием для развития демократии в России» (там же, p.832). Хотя коммунистическое наследие сказывается на оценках этих систем, проявляясь в различиях воззрений старших и младших поколений, аттитуды к ним формируются главным образом под воздействием опыта, приобретаемого людьми при новом режиме с течением времени. Подтвердив этот вывод в последующей работе, Р. Роуз, У. Мишлер и Н. Манро продемонстрировали также, что укрепление поддержки постсоветского режима зависело не только от изменения в лучшей сторону баланса оценок, выставляемых людьми различным аспектам его экономического и политического функционирования, но и от фактора времени как такового – по мере удаления от начала преобразований люди постепенно все больше приспосабливались к новой политической системе (Rose, Mishler, and Munro 2008, p. 105, Table 3). По мнению авторов, такое адаптивное научение означает, что россияне «способны быстро усвоить аттитуды и поведение, необходимые при демократии, – если российские элиты предложат более аутентичные демократические институты» (Mishler, Rose 2007, p.822).

Ю. Левада также приводит факты, отражающие представления российских граждан о качествах советской и «нынешней» власти, выявленные в трех опросах (1998, 2001 и 2005 гг.), и отмечает: «Фактически по всем позитивным качествам <...> показатели, приписываемые советской власти, значительно выше, чем соответствующие признаки нынешних властей. А по негативным характеристикам <...> нынешняя система правления в общественном мнении далеко опережает прошлую» (Левада 2006, с. 10). Так, пять наиболее часто встречающихся признаков советской власти в 2005 г. – это 1) «близкая народу, людям» (34%), 2) «сильная, прочная» (30%), 3) «бюрократическая» (30%), 4) «законная» (28%) и 5) «своя, привычная» (26%), а нынешней власти – 1) «криминальная, коррумпированная» (62%), 2) «далекая от народа, чужая» (42%), 3) «бюрократическая» (39%), 4) «непоследовательная» (29%) и 5) «недальновидная» (25%). Тем не менее, в конце этого года доверие и недоверие в обществе к власти были сбалансированы – 8% опрошенных сообщили, что они «определенно доверяют» нынешней власти, еще 38% – «скорее доверяют» ей, 49% выразили недоверие, в том числе 16% – «определенно» (там же, с. 13).

«Один из самых ясных выводов предшествующих исследований политических ценностей в посткоммунистической России, – пишут в 2004 г. С. Уайт и И. МакАллистер, – состоит в том, что у простых граждан был низкий уровень доверия гражданским институтам и, в особенности, политическим институтам» (White and McAllister 2004, p. 83). Это заключение остается в силе и в последующие годы. Оценивая в 2006 г. влияние на жизнь в стране Государственной Думы, только 38% считали его положительным, 30% - негативным и еще 27% полагали, что она

вообще не оказывает на нее никакого влияния. Сходное распределение оценок характеризует представления россиян о роли Совета Федерации, а региональные законодательные собрания и местные советы собирали чуть больше четверти позитивных мнений (Ordzhonikidze 2008, p. 25, Table 13). Ничтожное меньшинство (5%) считало, что законодательные органы на местах действуют независимо, не поддаваясь ни на подкуп, ни на давление со стороны исполнительной власти. Аналогичный показатель, характеризующий независимость судов, – 8% (там же, p. 25-26). В.В. Петухов также отмечает «беспрецедентно низкий уровень доверия граждан к большинству государственных и общественных институтов» (работу демократических институтов, например, позитивно оценивала только треть респондентов, а негативно – более половины) (Petukhov 2008, p. 5). Индекс доверия россиян государственным и общественным институтам, отражающие результаты 34 опросов Левада-Центра, позволяют проследить изменение отношения к ним с 1994 по 2008 год. В 90-е гг. соотношение мнений, говорящих о доверии и недоверии правительству, было, за редкими исключениями, сдвинуто к негативному полюсу, особенно отчетливо – в 1998 кризисном году, а затем, с приходом Путина, это соотношение стало меняться в позитивном направлении, хотя и в 2000-е гг. недоверие продолжали выражать лишь немногим меньше опрошенных, чем доверие. Отношение к Государственной Думе было также сбалансированным – с небольшим сдвигом к негативу, и менялось сходным образом – при Путине индекс доверия Думе немного вырос. Оценки региональных властей на протяжении всего изучавшегося периода – также баланс доверия и недоверия, но с небольшим перевесом позитивных мнений. К началу 2008 г. доверие правительству, Думе и местным властям несколько выросло (ОМ 2008, с. 59, График 8.1.3). Сбалансированы в 2000-е гг. были и мнения о таких институтах, как суд и прокуратура. Общественное мнение о ФСБ с середины 90-х гг., когда с доверием и недоверием к ней относились близкие доли населения, постепенно улучшалось и стало в последние годы примерно таким же, как отношение к армии, – позитивные оценки теперь преобладали над негативными. Милиция же, как в предшествующее десятилетие, так и в нынешнее, у большей части наших сограждан доверия не вызывала. К началу 2008 г. отношение ко всем этим институтам (не считая армии – резкий всплеск доверия в 2000 г. в связи, вероятно, с контртеррористической операцией в Чечне, а затем стабилизация мнений с преобладанием доверия), как и к охарактеризованным выше органам власти, стало меняться к лучшему (ОМ 2008, с. 69, График 8.4.1). В то же время, общественным институтам большинство российских граждан не доверяют. В суждениях о профсоюзах, например, негативные оценки преобладали и в 90-е гг., и в текущем десятилетии. И еще ниже на протяжении всего периода наблюдений был уровень доверия к политическим партиям (ОМ 2008, с. 72, График 9.1). По сравнению с концом 80-х – началом 90-х гг. доверие СМИ заметно снизилось, однако доля респондентов, которые в какой-то мере доверяли газетам, радио и телевидению, все же оставалась заметно большей, чем число тех, кто им не доверял. В 2008 г. распределение ответов об отношении к СМИ было следующим: 28% – «вполне» доверяли, 40% – «не вполне», а совсем не доверяли – 18% (ОМ 2008, с. 99, Табл. 14.1).

Несмотря на отмеченный нами ранее интерес более чем половины общества к выборам в Государственную Думу 2007 г., 49% отмечали, что их близкие и знакомые считают их не очень важным событием (важным – 40%) (ОМ 2007, с.104, Табл. 8.16). Незадолго до избрания Думы явное большинство, насчитывающее в 2003 г. две трети, а в 2007 г. – 61%, полагали – выборы не изменят жизнь

окружающих их людей к лучшему (ОМ 2007, с. 105, Табл. 8.20). В 2007 г. только 40% полагали, что думские выборы будут «выражать волю населения России», а 44% так не думали. В июле, сентябре и октябре того же года большинство не верило в честное проведение этих выборов, хотя с их приближением число сторонников этой точки немного сократилось: соотношение респондентов, придерживающихся этого взгляда, и их оппонентов, верящих в честность выборов, было соответственно 58%:29%, 57%:31% и 48%:35% (ОМ 2007, с.106, Табл. 8.25; с. 109, Табл. 8.39). В октябрьском и ноябрьском опросах 2007 г., как и за год до этого, примерно половина опрошенных предвидели: «Будет лишь имитация борьбы, а распределение мест в Думе будет определено по решению властей», а тех, кто верил в подлинную борьбу за власть и думские места, было только около трети (ОМ 2007, с. 113, Табл. 8.55). Тем не менее, несмотря на скептическое отношение к выборам 2007 г., накануне их проведения все же преобладало мнение, согласно которому избранная Дума будет отражать интересы общества, хотя его придерживались менее половины потенциальных избирателей (45%, не будет отражать – 34%) (ОМ 2007, с. 114, Табл. 8.59).

Преобладающее большинство в нашем обществе было при Путине критически настроено к представителям исполнительной власти: в 2004 г. 87% полагали, что «высшие государственные чиновники пользуются сейчас в России неограниченной властью» – «что хотят, то и делают», а в 2008 г. этой точки зрения придерживались 83% опрошенных (ОМ 2008, с. 30, Табл. 3.37). Согласие с тем, что «многие государственные чиновники сегодня практически не подчиняются законам», выразили в 2008 г. 77% респондентов (ОМ 2008, с. 30, Табл. 3.38). В 2007 г. только 12% считали – деятельность высших чиновников направлена «на обеспечение интересов населения страны», каждый пятый думал, что она связана с «обеспечением интересов государства», тогда как 55% не сомневались в ее направленности на собственные интересы этих чиновников (ОМ 2007, с. 24, Табл. 2.32).

В текущем десятилетии широкой поддержкой в российском обществе пользовался только президент РФ – В.В. Путин. По данным Барометра новой России (14 опросов), все более низкие после 1993 г. неудовлетворительные оценки президента страны, когда этот пост занимал Б.Н. Ельцин, сменяются с приходом Путина достаточно высокими средними баллами, свидетельствующими о его поддержке со стороны преобладающей части российских граждан (Mishler, Rose 2007, p.826, Figure 2D). Аналогичная тенденция была зафиксирована в упоминавшихся исследованиях Левада-Центра, посвященных доверию различным государственным и общественным институтам, – с начала 2000-х гг. доверие президенту резко выросло и затем сохранялось все последующие годы на стабильно высоком уровне (ОМ 2008, с.59, График 8.1.3). Как показывают проведенные этим центром в 2000-2007 гг. опросы (47 исследований), преобладающая часть тех, кто доверяет Путину, выбрали ответ «скорее, доверяю», а с полным доверием к нему относились 15-20%, но с течением времени такое мнение постепенно укреплялось – к концу 2007 его придерживались около четверти опрошенных (ОМ 2007, с. 67, График 7.2.2). В 2006 г., оценивая влияние президента Путина на жизнь в стране, две трети полагали, что оно было положительным (Ordzhonikidze 2008, p. 24, Table 10). Неизменно с 2001 по 2007 г., согласно 39 опросам Левада-Центра, высока была и доля тех, кто заявлял о своей поддержке действий В.В. Путина на посту президента страны: за исключением второй половины 2004 – первой половины 2005 г., когда эта доля опустилась до 50%, в остальные годы она колебалась между 60% и 70%, а в 2007 г. превысила 70-ти процентную границу (ОМ 2007, с. 67, График 7.2.1). Девять замеров, осу-

ществленные этой организацией в 2004 – 2007 гг., показывают, что сосредоточение власти в стране в руках В.В. Путина, по мнению более чем половины опрошенных, «идет на благо России»: численность сторонников этой точки зрения, после некоторого снижения к концу 2004 г., затем снова стала расти, достигнув в 2007 г. 66% (ОМ 2007, с. 68, Табл. 7.2.1).

Укрепление авторитарных начал при Путине не воспринимается, однако, людьми как угроза демократическим установлениям. Напротив, за время его второго президентского срока резко выросла уверенность наших сограждан в том, что развитие политической жизни в России идет в направлении демократии. Согласно четырем ежегодным опросам 2005 – 2008 гг., лишь 6-9% видели в политических переменах «восстановление прежних советских порядков», 12-16% - «становление авторитаризма, диктатуры», численность тех, кто отмечал «нарастание хаоса, анархии, угрозы государственного переворота» сократилась с 30% до 9%, а доля граждан, признававших «развитие демократии», напротив, неуклонно росла – с 32% в 2005 г. до 54% в 2008 г. (ОМ 2008, с. 22, Табл. 3.9). Оценивая в 2007 г., когда в нашей стране было больше свободы, только 6% сказали – при Горбачеве, 13% - при Ельцине, 20% - при Брежневле, а наибольшую долю – 42% - составили те, кто назвал Путина (ОМ 2007, с. 243, Табл. 22.6).

Большая часть общества не связывала путинские политические преобразования с сокращением демократических свобод. В 2008 г. 70% не соглашались с тем, что могут «подвергнуться преследованиям в связи со своими политическими взглядами, если не будут голосовать на выборах или проголосуют не так, как этого хотели бы власти», и только 15% высказывали такие опасения (ОМ 2008, с. 76, Табл. 10.10). Мнения о том, свободны ли средства массовой информации от контроля государства, разделились примерно поровну (данные 2006 и 2008 гг.) – 46% во время второго замера считали их свободными, а 45% - под государственным контролем (ОМ 2008, с.99, Табл. 14.4). Но по данным семи опросов 2000-2007 гг. около половины респондентов или немногим более были уверены: «Власти России нисколько не угрожают свободе слова и не ущемляют деятельность независимых СМИ». В 2007 г. пропорция между разделяющими это мнение и теми, кто придерживался противоположной точки зрения, была 56% к 27% (ОМ 2007, с. 161, Табл. 13.7). В 2007 г. 56% признавали существование в нашей стране возможности свободно критиковать власть, а отрицали такую возможность 29%, хотя относительное большинство считало, что такая критика существенных результатов не приносит (49%, приносит – 32%) (ОМ 2007, с. 119, Табл. 8.76; с.120, Табл. 8.78).

Обобщая приведенные факты, отметим, что отношение россиян к политическому режиму и руководству страны в конце второго президентского срока В.В. Путина является неоднозначным и противоречивым. В обществе нет согласия - поддержка политической системы со стороны одной его части уравнивается, как правило, ее неприятием в другой части. Оценивая позитивно одни аспекты этой системы, общественное мнение склоняется к негативному полюсу в своем восприятии других ее аспектов. Так, хотя при Путине политическое устройство стало оцениваться гораздо выше, чем в эпоху Ельцина, ему все еще далеко до советской системы – ее популярность и в последние годы остается стабильно высокой. Немалая доля населения продолжает придерживаться о путинской системе отрицательного мнения, и эта доля соразмерна или лишь немного уступает по численности тем, кто оценивает ее положительно. То же самое можно сказать и об отношении в обществе к важнейшим институтам управления государством, представляющим ис-

полнительную, законодательную и судебную ветви власти, - доверие и недоверие уравнивали друг друга. «Не вполне» доверяет общественное мнение и средствам массовой информации, а общественным институтам оно и вовсе склонно не доверять – особенно низким был на протяжении всего постсоветского периода уровень доверия политическим партиям. Хотя представления россиян о важности выборов в последнюю Государственную Думу и репрезентации в ней социальных интересов были неоднозначными, большинство не верило, что эти выборы проводятся честно, и не надеялось на позитивные изменения в своей жизни после избрания новой Думы. Преобладающее большинство россиян считают сегодняшнюю политическую систему недемократической и закрытой – в ней нарушаются права человека, она неподконтрольна гражданам и не дает им возможности оказывать влияние на политическую жизнь в стране и на местах, а также отстаивать свои интересы. В то же время, политический режим, выстроенный при Путине, не несет, согласно преобладающему мнению, угрозы демократическим свободам, способствуя, напротив, укреплению в России демократии. В отличие от высших государственных чиновников, воспринимаемых в обществе резко критически, президент В.В. Путин на протяжении обоих сроков на этом посту неизменно пользовался широкой общественной поддержкой.

Российская политическая система: точка зрения элиты

Исследований, посвященных изучению политических воззрений российских элит с помощью опросных методов, очень немного (обзор см.: Сафронов 2008, с. 3-6). Из всего три из них, насколько нам известно, позволяют охарактеризовать мнения элиты о политической системе России, выстроенной при президенте Путине. Рассмотрим факты, выявленные в каждой из этих трех работ.

«Проблема “элиты” в сегодняшней России»

В книге Л. Гудкова, Б. Дубина и Ю.Левады представлена аналитическая реконструкция «системы корпоративно-олигархической власти», выстроенной в России при президенте В.В. Путине (2007). Ее эмпирическое основание - результаты проведенного в 2005 г. опроса представителей основных фракций региональной элиты России. Приложение к этой книге, в котором приводятся распределения мнений изучавшихся элитных фракций по всем анкетным вопросам, содержит многочисленные факты из интересующей нас области и позволяет проанализировать представления элит о предпочтительном для страны политическом устройстве и выяснить, как они относятся к путинскому режиму.

Как пишут авторы по поводу предпочтений, элита разделяет «туманный комплекс представлений», соглашаясь «чтобы когда-то в будущем Россия стала страной рыночной экономики и демократии», однако в представлениях «о желательном пути развития <...> гораздо большее значение придается традиционным ценностям, в первую очередь сильному патерналистскому государству» (Гудков, Дубин, Левада 2007, с.104). Так, хотя за возврат к советскому устройству и за авторитарную модель чилийского образца высказались лишь считанные проценты в любой из элитных групп, вариант европейской модернизации, предполагающий движение к рынку, демократии и правовому государству, получил больше половины голосов лишь в одной из изучавшихся элитных групп – среди руководителей влиятельных региональных СМИ. А во фракциях заместителей губернаторов, руководства федеральных округов, руководителей крупного и среднего частного бизнеса и его региональных организаций только около двух пятых были за этот выбор. В других

группах его сторонников было еще меньше: около трети – среди высокопоставленных чиновников исполнительной власти, сотрудников судебных органов и прокуратуры и представителей законодательной власти, четверть – в руководстве крупных госпредприятий и 15% - в верхах армии и МВД. Заметные доли в каждой фракции (в среднем порядка 30%) выступали за медленное продвижение к рынку при сильном государстве или за особый российский путь, не похожий ни на одну из известных моделей (в среднем - почти каждый пятый) (см. с. 308-309, вопрос 13). Поддержка элитой идеи развития рыночной экономики и демократических институтов будет выражена в некоторых фракциях с несколько большей отчетливостью, если анкетный вопрос предполагал ее сопоставление с другими распространенными ориентирами – «восстановлением величия российской державы, укреплением ее лидерской роли в мировой политике» и «идеей социального государства и социальной справедливости». В этом случае за рынок и демократию проголосовало более половины не только руководителей региональных СМИ, но и бизнес элиты, заместителей губернаторов и около двух пятых в руководстве региональных организаций предпринимателей. Восстановление державы – приоритет для элиты армии и МВД (62%) и руководства федеральных округов (45%). Относительное большинство высокопоставленных чиновников (37%), депутатов (41%) и руководителей крупных госпредприятий (36%) выбрали идею социального государства (см. с.315, вопрос 23).

Теперь рассмотрим материалы опроса, которые позволяют охарактеризовать отношение элитных фракций к президенту В.В. Путину и созданному при нем режиму. Отчетливое большинство во всех группах считает, что политическая система к 2005 г. стала стабильной (в среднем – 63%) (с.296, вопрос 1), и как минимум девять из десяти респондентов в любой из них связывает эту стабилизацию с приходом к власти В.В.Путина (с.304, вопрос 7_А).

Уровень доверия элиты президенту Путину достаточно высок. В руководстве федеральных округов и среди высокопоставленных представителей исполнительной власти, судебных органов и прокуратуры более 90% относятся к нему с доверием. В верхах армии и МВД, среди заместителей губернаторов, в руководстве крупного и среднего частного бизнеса, крупных госпредприятий – не менее 80%, в руководстве региональных организаций предпринимателей и СМИ, среди представителей законодательной власти – около 70% (с.346-347, вопрос 47). Однако о полном доверии говорить не приходится – высокие значения этого показателя только у руководства федеральных округов (ответы «полностью доверяю» - 72%) и заметные – в элите, представляющей силовые ведомства (42%) и исполнительную власть (39%). Еще скромнее они – у заместителей губернаторов (30%), высокопоставленных сотрудников судебных органов и прокуратуры (27%), руководителей бизнеса (25%) и представителей законодательной власти (16%). И совсем низким этот показатель оказался у руководства предпринимательских организаций, госпредприятий и региональных СМИ (около 10%). Тем не менее, о достаточно высоком доверии президенту говорят и ответы на открытый вопрос, в котором респондентам было предложено назвать несколько государственных и общественных деятелей, вызывающих это чувство. На фоне чуть более 10% голосов, которые удалось собрать некоторым из этих деятелей, рейтинг Путина выглядит особенно убедительно – в среднем по группам 46% (с.343-346, вопрос 45). Правда, и в этом случае, как видим, нельзя утверждать, что президент располагает безусловной поддержкой в рядах элиты (этот показатель к тому же сильно варьирует - от 31% голосов руководителей СМИ до 83% - руководства федеральных

округов). Еще одно подтверждение последнего тезиса - почти во всех группах элиты, когда им было предложено оценить деятельность Путина на посту президента, лишь скромное меньшинство заявляет о том, что полностью разделяет его взгляды и позиции. В среднем – 19%, а заметное отклонение в большую сторону характерно только для руководства федеральных округов - 59% и в меньшей мере – элиты армии и МВД (32%). Почти каждый пятый говорит о вынужденной поддержке Путина - за неимением других достойных политических деятелей. Однако доминантное во многих фракциях мнение – готовность поддерживать Путина до тех пор, пока он ориентируется на проведение демократических и рыночных реформ. Его разделяют 58% в руководстве региональных организаций предпринимателей, более двух пятых - среди заместителей губернаторов и других высокопоставленных чиновников, руководителей частного бизнеса и крупных госпредприятий, высокопоставленных сотрудников судебных органов и прокуратуры. Даже в руководстве федеральных округов его придерживаются 31% респондентов, а среди элиты армии и МВД – почти четверть (с.347, вопрос 48).

Не менее показательным свидетельством неоднозначного отношения элиты к Путину являются оценки, которые она выставляет его деятельности на посту президента. Если результаты его работы в течение первого срока 36% оценило на десятибалльной шкале невысокими баллами (градации 1-5) и 65% - достаточно высокими (6-10), то мнения о втором сроке, сгруппированные аналогичным образом, разделились пополам (отчетливое преобладание позитивных оценок можно обнаружить только в группах руководства федеральных округов и высокопоставленных сотрудников судебных органов и прокуратуры) (с.347-348, вопросы 49, 50). Единственная область, где Путину за время работы на посту президента, согласно мнению большей части элиты, удалось добиться успеха – это укрепление позиций России на международной арене (72%). Элита элита и в своем мнении о том, что борьба с коррупцией во власти успеха не имела (85%). В других вопросах ее взгляды разделяются, причем имеет место небольшое преобладание негативных мнений над позитивными. В частности, это относится к оценкам подъема экономики, роста благосостояния: большая часть законодателей, руководителей бизнеса и госпредприятий, СМИ, начальников в армии и МВД здесь успехов не видит, а у заместителей губернаторов, руководства федеральных округов, судебных органов и прокуратуры преобладает противоположная точка зрения. Успехи Путина в защите демократии и политических свобод граждан усматривает большая часть руководства федеральных округов и других высокопоставленных чиновников, сотрудников судебных органов, прокуратуры и начальников в армии и МВД, а отказывают ему в этом депутатский корпус, руководители бизнеса, госпредприятий и СМИ, а также заместители губернаторов (с.349-350, вопросы 51_А – 51_Ж). Критический настрой элиты проявляется с полной определенностью в ее оценках результатов большей части реформ, о проведении которых заявлял В.В.Путин после прихода к власти (ЖКХ, пенсионной системы, здравоохранения и образования, монетизации льгот, судебной и партийной систем, а также военной и административной реформ). Подавляющее большинство считает, что такие преобразования все еще не проводились или привели к негативному результату (больше половины полагают, что позитивные результаты принесло разве лишь назначение губернаторов, и немного меньше половины так же думает о последствиях налоговых изменений) (с.335-337, вопросы 38_А – 38_Л).

Преобладающая часть элиты (в среднем 84%) полагает, что на посту президента Путин ставил цели модер-

низации экономики и подъема благосостояния населения (с.310, вопрос 16). По доминирующему среди элиты мнению, представления президента о курсе развития страны разделяют как правительство, администрация, региональные руководители, так и представители крупного бизнеса, влиятельные политики, руководители армии и силовых структур и ведущие деятели культуры и СМИ (с.312-314, вопросы 21_А – 21_Г). Одобряя в своем большинстве курс Путина, элита поддерживает и одно из важнейших направлений политических преобразований 2000-х гг. - выстраивание властной вертикали, однако и в этом вопросе элита не всегда единодушна (с.332-334, вопросы 37_А – 37_И). Так, явное большинство в любой из элитных групп не соглашается с тем, что мероприятия по укреплению этой вертикали «поставили под угрозу конституционный строй, основы федерализма и целостность страны» (в среднем 77%), «привели к параличу исполнительной власти, стагнации развития страны» (77%), «разрушили зачатки демократических институтов, привели к полному отрыву власти от общества» (60%). Эти мероприятия, напротив, «укрепили основы федерализма» (согласие – 60%), соответствовали «геополитическим интересам России и задачам борьбы с международным терроризмом» (60%). В то же время, позитивные оценки уступают негативным мнениями или те и другие оказываются сбалансированными, когда речь заходит о том, повлияли ли властная вертикаль на сокращение «масштабов произвола и коррумпированности местных властей, олигархов» (43%:55%), на повышение «эффективности управления», «порядка в бюджетных отношениях» (51%:46%), привела ли она к «чрезмерной концентрации власти в федеральном центре» (45%:53%).

Если президенту Путину, как мы видели, региональная элита, в общем, доверяла, и поддерживала его политический курс, хотя результаты его деятельности отнюдь не вызвали единодушного одобрения, то к представителям высшей федеральной власти ее отношение было иным. Заметная часть в любой из элитных фракций полагала, что главным мотивом их деятельности является «стремление любой ценой удержать власть, защитить достигнутое положение». Этой точки зрения придерживается больше половины руководителей частного бизнеса (65%), организаций предпринимателей (60%), крупных госпредприятий (62%), СМИ (59%) и представителей законодательной власти (55%). Относительное большинство она набирает и среди элиты армии и МВД (47%), судебных органов и прокуратуры (44%). Убеждение, что мотив деятельности высшей федеральной власти – «стремление превратить Россию в современную, экономически развитую, социально благополучную страну» (или что встречается гораздо реже – «вернуть стране статус великой державы»), превалирует над описанным мнением только у заместителей губернаторов (в пропорции 42%:38%), других высокопоставленных чиновников в исполнительной власти (43%:26%) и в руководстве федеральных округов (35%:28%) (с.322, вопрос 27).

В любой фракции элиты преобладает убеждение, что политическую и социально-экономическую ситуацию в стране можно охарактеризовать как «постепенное продвижение по пути реформ». В этом уверены около 70% элиты армии и МВД, судебных органов и прокуратуры, руководства федеральных округов и других органов исполнительной власти, а также около 60% заместителей губернаторов и руководителей крупных госпредприятий. Около половины представителей элиты бизнеса, законодательной ветви и СМИ также разделяют эту точку зрения, но не менее двух пятых в этих группах считают, что наступила стагнация (превалирующая позиция) или даже «поворот назад, отказ от демократических завоеваний и свобод 1990-х годов» (с.337, вопрос 39).

«Внутреннюю политику Путина и установленный им политический режим», согласно почти единодушным оценкам элиты (в среднем - более 90%), одобряют федеральная законодательная и исполнительная власть, а также силовые ведомства. С заметно меньшей уверенностью респонденты говорят об их поддержке со стороны руководителей СМИ (52%), работников культуры и науки (53%) и особенно - бизнеса (42%) (с.317-319, вопросы 25_А – 25_Е). Высказываясь об отношении к внутренней политике и режиму представителей той элитной группы, к которой принадлежит респондент, большинство также заявляло об их одобрении – одобрительные мнения преобладают в рядах руководства федеральных округов (90%), высокопоставленных представителей исполнительной власти (80%), судебных органов и прокуратуры (77%), заместителей губернаторов (70%) и в верхах армии и МВД (68%). Немного реже позитивные оценки выставляют руководители крупных госпредприятий (64%) и представители законодательной власти (63%), а в руководстве крупного и среднего частного бизнеса и его региональных организаций это делает лишь около половины. В группе руководителей региональных СМИ доля тех, кто не одобряет внутреннюю политику и режим Путина (53%), даже выше, чем число сторонников президента (43%) (с.319, вопрос 25_Ж).

Важнейшие демократические институты не играют, по мнению элиты, существенной роли в российской политике. Если практически никто в ее рядах не сомневается в том, что на общественно-политическое и социально-экономическое развитие страны очень сильное влияние оказывают президент и его администрация, то не менее единодушна она в скептических оценках законодательной власти – около половины влияния депутатского корпуса считает «не слишком значительным» и еще 30% - «совершенно незначительным» (с.326, вопрос 29_К). Высказываясь о роли партий в политической системе, только 14% согласились с тем, что они представляют интересы разных групп населения, и 9% признают за ними функцию «контроля общества над исполнительной властью, критики правительственного курса». Российские партии, по мнению элиты, не выполняют основных функций, предписываемых им в демократической системе правления. Они представляют собой «систему лоббирования интересов крупных финансово-промышленных групп» - так думает почти четверть респондентов или, как полагает почти треть, - «средство отбора политических лидеров, их продвижения во власть» (это важная, но все же вспомогательная функция партий в демократиях) (с.342, вопрос 44_А). Большая часть элиты уверена также, что ни «лидеры крупнейших партий», ни «организации гражданского общества» не способны предложить долгосрочную стратегию развития страны (58% и 59% соответственно) (с.315-316, вопросы 24_Б и 24_В). Данные не позволяют, к сожалению, выяснить, считает ли элита необходимым повысить значимость рассмотренных демократических институтов в политической системе или же ее устраивает сложившееся положение дел.

Таким образом, материалы опроса региональных элит Л. Гудкова, Б. Дубина и Ю. Левады показывают, что в ее рядах нет ни ценностного консенсуса относительно направления политических и социально-экономических преобразований, ни единодушной поддержки режима Путина и проводимой им политики. Модернизация по европейскому образцу, предполагающая движение в сторону демократии, правового государства и рыночной экономики, не является для элиты общим ориентиром преобразования России. Несмотря на высокий уровень доверия элит президенту Путину, одобрение его институциональных преобразований и политического курса, это доверие не является безусловным, а одобрение сильно варьирует в

разных элитных фракциях. Лишь меньшинство заявляло, что полностью разделяет взгляды президента, - многие поддерживали Путина в меру его приверженности курсу демократических и рыночных реформ. Одна половина элиты позитивно оценивала результаты проводившейся при Путине политики, но другая считала, что успеха во многих сферах добиться не удалось. Важнейшие реформы, по мнению большинства, так и не были реализованы. К представителям высшей федеральной власти, не считая Путина, элита относилась явно негативно, полагая, что они стремятся лишь удержаться у власти. Важнейшие институты демократии, согласны разные элитные фракции, существенной роли в политике не играют.

«Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты»

Исследование, проведенное Институтом общественного проектирования в 30 субъектах РФ в 2007 году, не подтверждает заключения об отсутствии среди российской элиты ценностного консенсуса. Оно продемонстрировало: «Различные группы элит солидарны между собой в принятии основных базисных ценностей, таких как демократия, рыночная экономика, свобода. Однако в понимании и в интерпретации этих понятий внутри элиты существуют серьезные различия» (Сумма идеологии ... 2008, с. 34). Результаты свидетельствуют: «Ценности демократии являются базовыми, основополагающими для более чем 85% всех опрошенных» (там же, с. 25). При этом большая часть элиты – «пассивные сторонники демократии», «которые, поддерживая демократические институты в России, удовлетворены их текущим состоянием, считают их адекватными российским реалиям». «Активные сторонники демократии» - те, «кто не просто приемлет существующие в России демократические институты, но предлагает пути их совершенствования», - составляют меньшинство (там же, с. 39). Этих активных сторонников больше всего среди научной элиты и лидеров общественных и политических движений – примерно половина, около двух пятых - в элитных группах журналистов, судей и адвокатов, а также предпринимателей. Среди депутатов – меньше трети, а во фракциях священнослужителей, творческой интеллигенции, сотрудников силовых структур и представителей исполнительной власти совсем мало – менее одной пятой респондентов (с.38, Диаграмма 4.1).

Обсуждая вопрос о том, как следует выстраивать политическую систему России (Сумма идеологии ... 2008, Глава 5), элита в своем большинстве выступает за демократию, полагая, что автократический режим является для страны неприемлемым. Она защищает республиканскую форму правления, отдавая предпочтение президентской республике перед парламентской, и отстаивает федеральное, а не унитарное, устройство государства. Более привлекательными представляются элите пропорциональная избирательная система, чем мажоритарная или смешанная, и плюралистическая модель партийной системы, допускающая существование неограниченного числа партий, чем устройство с двумя или несколькими сильными партиями. Кроме того, элита выступает за принцип выборности Совета Федерации, губернаторов и мэров. Хотя политический режим, выстроенный при Путине, не во всем соответствует предпочтениям элиты, преобладающая часть участников исследования относит себя к числу его последователей сторонников - «российские элиты в целом настроены позитивно к существующей политической системе и лояльны сегодняшней власти» (там же, с.133). Высказываясь о проблеме распределения полномочий между уровнями и ветвями власти, большинство одобряет выстраивание властной вертикали, не разделяя мнения о необходимости предоставления больших прав законодательным и судебным органам, региональным вла-

стям и местному самоуправлению. Отметим, что приведенные факты, характеризующие политические предпочтения, отражают позиции не всей изучавшейся элиты, а только тех респондентов, которые во время интервью затронули соответствующую тему (по некоторым темам – около 30% выборки, по другим – около пятой ее части, а то и меньше). Так что позиции всей элиты по каждой из описанных проблем остаются неясными.

Анализ показателей доверия элиты основным государственным и общественным институтам, сопоставленных с данными массового опроса российского населения, показывает: «На первом месте <...> оказался президент РФ с уровнем доверия среди населения – 74%, среди элиты – 89%», около двух пятых тех и других склонны доверять региональным властям, порядка четверти – СМИ, а Государственная Дума и Совет Федерации оказались на последних позициях – им мало кто доверяет (там же, с. 287).

На наш взгляд, вывод аналитиков Института общественного проектирования об идейном единении российской элиты вокруг ценностей демократии и свободы вызывает сомнения. Ему противоречит то обстоятельство, что большинство среди элиты, как утверждают сами авторы исследования, являются последовательными сторонниками путинского режима и их вполне устраивает уровень развития демократии в России, но сам-то этот режим, по общему убеждению экспертов, занимающихся российской политикой, утратил при Путине основные черты демократии и превратился в авторитарную систему. В то же время, результаты этой работы согласуются с другими фактами – о распространенной среди элит лояльности режиму, их доверии президенту Путину и недоверии демократическим институтам.

«Российские элиты развития: запрос на новый курс»

Последнее из известных нам исследований - опрос «российской элиты развития», проведенный весной 2008 г. (выборка - 1003 человека), результаты которого описаны в книге М. Афанасьева (2009). Как указывает автор, «мы решили сфокусировать исследование <...> не на господствующей верхушке, а на более широком верхнем слое общества», включающем успешных, занимающих престижные позиции, известных в своих регионах и профессиональных сообществах представителей социальных групп, выполняющих «наиболее актуальные и востребованные общественные услуги» (там же, с.24).

Согласно этому исследованию, «абсолютное большинство представителей российских элитных групп не согласны с оценкой (развития страны в 2000-е гг. – ВС), выдержанной в духе официального оптимизма. Почти половина респондентов склоняется к критическому взгляду на существующую систему и ее результативность» (там же, с.30). Они полагают: «Российская элита не использовала внутренние и внешние возможности диверсифицировать экономику и обеспечить качество развития, адекватное вызовам глобальной конкуренции. Вместо модернизации происходит деградация институтов, примитивизация экономики и государственного управления» (там же, с.29). (Оптимистический взгляд преобладает только в двух элитных группах - среди федеральных и региональных чиновников (более 60%) и среди работников госбезопасности и охраны правопорядка (70%)). По данным опроса, «61% респондентов считают, что «мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге привели к чрезмерной концентрации власти и бюрократизации всей системы управления, снизив тем самым ее социальную эффективность». И всего 29% придерживаются иного мнения - «мероприятия по укреплению вертикали власти в итоге повысили эффективность управления в стране, сократили масштаб произвола и коррупции местных

властей» (там же, с.32). Причем «только сами поставщики публичной услуги по перманентной вертикализации российской власти из числа федеральных чиновников и «чекистов» продолжают считать свою услугу полезной. Что же касается потребителей — причем главных потребителей, поскольку элитные группы более всех заинтересованы в государственном порядке и близки к власти, — то они этой услугой весьма недовольны» (там же, с.32).

Выполнение «сегодняшним российским государством своих главных функций» оценивается элитами критически (там же, с.33, Табл. 2). Большинство выставляет негативные оценки его деятельности по решению социальных проблем (уменьшение разрыва в доходах между богатыми и бедными - 81%, обеспечение доступного жилья - 81%, развитие здравоохранения - 68%, образования - 63%) и созданию условий для развития экономики (поддержание единых рыночных правил - 61%, защита права частной собственности - 60%, реализация экономической стратегии - 52%), а также - по обеспечению права на справедливый суд (70%) и личной безопасности граждан (60%), по обеспечению свободных выборов (60%). В связи с оценкой выборов М.Афанасьев отмечает также, что среди ответов на открытый вопрос о событии общественной жизни последнего времени, которое произвело на респондента самое плохое впечатление, «рейтинг безоговорочно возглавляют главные выборы страны — ссылку на самое плохое впечатление от президентских и парламентских выборов содержит половина всех полученных ответов!» (там же, с.35). Только в двух сферах отчетливо преобладают позитивные мнение о работе государства — это обеспечение свободы передвижения (81%) и повышение авторитета и влияния страны на международной арене (69%). Баланс положительных и отрицательных мнений с незначительным перевесом первых наблюдается в таких вопросах, как обеспечение обороноспособности страны (56%), свободы объединений (54%) и свободы слова (50%).

Основная причина проблем сегодняшней России, по мнению элиты (57%), - «неразделенность власти и бизнеса — эта фундаментальная, системная характеристика российского общественного устройства — признана главным негативным фактором во всех элитных группах» (там же, с.38).

Отвечая на вопрос о том, как следует строить российское общество и государство, «абсолютное большинство опрошенных представителей элитных групп (66% - ВС) считают, что наши национальные системы жизнедеятельности необходимо развивать на следующих базовых принципах: верховенство закона в обществе, в том числе над властью, плюс конкуренция в экономике и политике» (там же, с.43). Что касается экономики, то «модель госкапитализма, к которой в последнее время склонялось высшее руководство и реальная экономическая политика государства, имеет весьма влиятельных лоббистов, но не имеет шансов стать предметом консенсуса элит. Российская элита развития в эффективности государственного, по сути же бюрократического, капитализма явно не верит и в своем абсолютном большинстве (70% - ВС) ориентирована на нормальный капитализм» (там же, с.45). Высказывания о политической системе также свидетельствуют, что «элитные группы полны ожиданием политических перемен»: «Около четверти респондентов полагают, что нужно и дальше «укреплять вертикаль власти во главе с президентом», но абсолютное большинство (68% всех респондентов) считает - нужно «перестраивать систему так, чтобы реально обеспечить политическую конкуренцию, разделение властей, открытость и подотчетность власти обществу» (там же, с.49). М. Афанасьев пишет: «Показательно, что «пар-

тия старого курса» сохраняет большинство только среди работников органов госбезопасности и охраны правопорядка (51%) и среди федеральных чиновников (47%). К политической модернизации склоняется даже региональное чиновничество (53% за перестройку политической системы), а в остальных элитных группах, включая армейский офицерский корпус, сторонники нового курса составляют абсолютное большинство (не менее 65% респондентов) <...> запрос на новый политический курс предельно ясно выражен у российских предпринимателей: 20% респондентов — за укрепление «вертикали власти», 73% — за политическую конкуренцию и разделение властей» (там же, с.49).

Ориентации на политические перемены были зафиксированы при обсуждении многих проблем. В частности, «более 60% всех участников опроса считают, что существующий порядок формирования Правительства Российской Федерации нужно менять. Общий смысл желаемых изменений следующий: сделать процесс утверждения главы и членов правительства конкурентным и открытым, обеспечить при этом публичное обсуждение альтернативных правительственных программ и выбор из них лучшей» (там же, с.53). Кроме того, «действующий порядок назначения глав регионов России президентом совершенно не устраивает российскую элиту развития — абсолютное большинство респондентов во всех без исключения элитных группах (78% всех респондентов) высказываются за переход от назначений к иному порядку, основанному на выявлении общественного мнения и воли народа в регионах страны» (там же, с.61). Не удовлетворена элита и состоянием российской партийной системы: «Большинство — относительно среди федеральных и региональных чиновников и абсолютное среди предпринимателей, менеджеров, армейских офицеров, в социальной и публичной элитах (64% всех респондентов) — выступает за политическое обновление и приведение партийной системы в состояние, достойное граждан свободной и цивилизованной страны» (там же, с.55). Во всех группах элиты (за исключением «чекистов») абсолютное большинство (63% всех опрошенных) «выступает за то, чтобы «развивать самостоятельность местного самоуправления и дать ему возможность формировать свои доходы, включая установление собственных налогов и сборов по решению местных представительных органов» (там же, с.61).

Выступает элита и в поддержку принципа разделения ветвей власти — «абсолютное большинство российских предпринимателей (55%), менеджеров (53%), юристов (69%), работников здравоохранения, образования и науки (58%), экспертов и журналистов (66%) и даже большая часть региональных чиновников (46%) выступают за усиление парламентского контроля над исполнительной властью» (там же, с.56). Почти все среди элиты согласны и с тем, что «судебную власть необходимо реформировать»: «Выстраивание судей и судов в более жесткую вертикаль встречает дружную поддержку только среди «чекистов» <...> По мнению абсолютного большинства опрошенных <...> алгоритм судебной реформы должен быть иной: внекорпоративный контроль граждан <...> плюс честные критерии и процедуры корпоративной ответственности судей» (там же, с.58).

Элита с одобрением относится также к расширению свободы средств массовой информации — «мало кто поддерживает сегодняшнюю практику контроля властей над информационной политикой СМИ и верит в его общественную полезность. Абсолютное большинство представителей элитных групп (56% - ВС) не желают политической цензуры в СМИ и выступают за их независимость при контроле за соблюдени-

ем общественных интересов в сфере массовой информации» (там же, с.63).

Таким образом, результаты этого исследования «не подтвердили тиражируемые утверждения о полной поддержке российскими элитами правящего режима и “преемственности курса”. Более того, данные опроса фиксируют широко распространенные в российских элитах развития ожидания качественных перемен — запрос на новый курс государственной власти» (там же, с.63), предполагающий демократизацию политической системы.

Поддержка российской политической системы: обобщение фактов

Одним из важных условий политической консолидации в современном российском обществе является широкая поддержка гражданами и элитами действующей политической системы, которая предполагает идентификацию с государством, ценностный консенсус относительно основополагающих принципов построения политического режима и одобрение руководства страной.

Обзор литературы и анализ данных Левада-Центра ставят усомниться в легитимности нынешней политической системы – она не получает поддержки со стороны немалой части наших сограждан. Лишь очень немногие в нашей стране гордятся ее политическим устройством, а заметное – особенно при сопоставлении с другими странами – меньшинство и вовсе не испытывает гордости от принадлежности к числу ее граждан. Анализ политических ценностей и убеждений россиян показывает, что массовая российская политическая культура и сегодня, как в 90-е гг., представляет собой смесь демократических и авторитарных предпочтений (этого и следовало ожидать, поскольку культура не меняется в одночасье). Режим Путина, сочетающий авторитаризм с демократическим фасадом, в определенной мере мог опираться на эту культуру. Отчасти потому, что в ней отчетливо проявлялись автократические ориентации, упование на сильного лидера. И президент Путин неизменно на протяжении обоих президентских сроков пользовался доверием россиян, одобрительно оценивавших его деятельность. Но этот режим не противоречил и убеждениям той немалой части наших сограждан, которые полагали, что нам следует ориентироваться на построение своеобразной разновидности демократического устройства, не похожего на западные первоисточники, и считали, вопреки едва ли не единодушной позиции исследователей и экспертов, – путинские преобразования ведут к укреплению в России демократии. Тем не менее, не исключено, что спрос в нашем обществе на демократию все же превышал предложение со стороны режима – он базировался на принципах, которые больше отличались от правил демократической политики, чем хотелось бы многим российским гражданам. Большинство признавало демократию лучшей формой правления и выступало за укрепление в России демократических институтов. А существующая политическая система воспринималась критически – общественное мнение видело ее недемократической, закрытой и невосприимчивой к интересам людей и с недоверием относилось к псевдодемократическим российским институтам. Несмотря на резкое повышение оценок существующей политической системы после прихода Путина, едва ли не половина россиян оставалась среди ее противников, оценивая ее негативно.

Исследования политических воззрений элиты в эпоху Путина единичны, а их результаты противоречивы. По данным аналитиков Левада-Центра, заметная часть элиты ориентируется на развитие демократии, правового государства и рыночной экономики, однако о ее единении вокруг этих ценностей вряд ли можно говорить. В Институте общественного проектирования, напротив, придержива-

ются убеждения о ценностном консенсусе элитных групп, приверженных демократической идее, – заключение, которое можно считать обоснованным только в том случае, если режим, выстроенный при Путине, считать демократией. Однако о приверженности «верхнего слоя общества» принципам демократии убедительно свидетельствует и исследование «элит развития» М. Афанасьева. В этом слое преобладает критическое отношение к режиму Путина, так что спрос на демократию в широком слое влияющих в нашем обществе персон, согласно этому исследованию, определенно превышает предложение со стороны этого режима. Правда, этому утверждению противоречат факты, выявленные в двух других работах. В Институте общественного проектирования полагают, что преобладающая часть элиты настроена позитивно к политической системе и лояльна высшей власти. Материалы Левада-Центра также говорят о поддержке элитами путинского режима, хотя они далеко не всегда единодушны в оценках различных его сторон. Согласно обеим работам, отчетливое большинство относится к президенту Путину с доверием, хотя, согласно данным Левада-Центра, у элиты к нему остается немало вопросов. Таким образом, о безусловной поддержке режима и президента элитой говорить, скорее всего, не приходится, а верхний социальный слой, настроенный к режиму критически, ориентируется, возможно, на его изменение, поддерживая демократические преобразования.

Насколько справедливыми являются высказанные предположения о соотношении спроса и предложения на демократию в нашем обществе? Поиски ответа на этот вопрос продолжают наши исследования массовой публики и политической, административной и экономической элиты Санкт-Петербурга, результаты которых будут представлены в следующем разделе статьи.

Литература:

- Афанасьев, М.Н. (2009). Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Гудков Лев, Борис Дубин, Юрий Левада (2007). Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия».
- Левада, Юрий (2006). Власть, элита и масса: параметры взаимоотношений в российских кризисах // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. № 1 (81). С. 8-13.
- Магун, В.С., Ася В. Магун (2007). Идентификация граждан со своей страной: российские данные в контексте международных сравнений // Национально-гражданские идентичности и толерантность. Опыт России и Украины в период трансформации / Под ред. Л.М. Дробижевой и Е.И. Головахи. Киев: Изд-во Института социологии НАН Украины. С. 202-240.
- Общественное мнение – 2007: Ежегодник / Составитель Н. Зоркая. (2007). М.: Левада-Центр.
- Общественное мнение – 2008: Ежегодник / Составитель Н. Зоркая. (2008). М.: Левада-Центр.
- Сафронов, Вячеслав (2007). Отношение к демократии в России: конец эпохи Ельцина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 3. С. 24-39.
- Сафронов, Вячеслав (2008). Политическая культура Санкт-Петербурга: поддержка демократии элитой и массовой публикой // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. № 6. С. 16-29.
- Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты (2008) / Руководитель проекта Михаил Тарусин. М.: Институт общественного проектирования.

- Åslund, Anders (2008). Putin's Lurch toward Tsarism and Neoinperialism: Why the United States Should Care // *Demokratizatsiya*. Vol. 16 (1), pp. 17-25.
- Brown, Archie (1999). Russia and Democratization // *Problems of Post-Communism*. Vol. 46 (5), pp. 3-13.
- Carothers, Thomas (2002). The End of the Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. Vol. 13 (1), pp. 5-21.
- Dalton, Russell J. (1998). Political Support in Advanced Industrial Democracies. Center for the Study of Democracy (University of California, Irvine). Paper 98-01.
<http://repositories.cdlib.org/csd/98-01>
- Dalton, Russell J., and Hans-Dieter Klingemann (2007). Citizens and Political Behavior // *The Oxford Handbook of Political Behavior* / Eds. Russell J. Dalton and Hans-Dieter Klingemann. New York: Oxford University Press, pp. 3-26.
- Diamond, Larry (2008). The Democratic Rollback // *Foreign Affairs*. Vol. 87 (2), pp. 36-48.
- Eckstein, Harry (1998). Russia and the Conditions of Democracy // *Can Democracy Take Root in Post-Soviet Russia? Explorations in State-Society Relations* / Eckstein, Harry, Frederic J. Florn, Jr., Erik P. Hoffman, and William M. Reisinger. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, pp. 349-381.
- Easton, David (1965). *A System Analysis of Political Life*. New York: Wiley.
- Easton, David (1966). *A System Approach to Political Life*. Social Science Educational Consortium, Publication #104 (ERIC # ED013997).
<http://www.eric.ed.gov/>
- Freedom House (2007). *Freedom in the World Historical Rankings*. Comparative scores for all countries from 1973 to 2006.
<http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw/FIWAllScores.xls>
- Freedom House (2008). *Freedom in the World*. Tables and Charts: Table of Independent Countries.
<http://www.freedomhouse.org/uploads/Chart114File166.pdf>
- Hassner, Pierre (2008). Russia's Transition to Autocracy // *Journal of Democracy*. Vol. 19 (2), pp. 5-15.
- Inglehart, Ronald, and Christian Welzel (2005). *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
- Kertman, Grigori (2008). The Status of the Party in Russian Political Culture // *Russian Politics and Law*. Vol. 46 (2), pp. 51-66.
- Lukin, Alexander (2009). Russia's New Authoritarianism and the Post-Soviet Political Ideal // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 25 (1), pp. 66-92.
- McFaul, Michael (2007). Russia: Rebuilding the Iron Curtain: Prepared Statement // Hearing before the Committee on Foreign Affairs, House of Representatives (May 17, Serial No. 110-65). Washington: U.S. Government Printing Office, pp. 12-24.
<http://www.foreignaffairs.house.gov/110/35430.pdf>
- McFaul, Michael, and Kathryn Stoner-Weiss (2008). The Myth of the Authoritarian Model // *Foreign Affairs*. Vol. 87 (1), pp. 68-84.
- Mishler, William, Richard Rose (2007). Generation, Age, and Time: The Dynamics of Political Learning during Russia's Transformation // *American Journal of Political Science*. Vol. 51 (4), pp. 822-834.
- Norris, Pippa (Ed.) (1999). *Critical Citizens: Global Support for Democratic Governance*. New York: Oxford University Press.
- Norris, Pippa (2010). *Critical Citizens Revisited*. New York: Cambridge University Press (Forthcoming).
- Ordzhonikidze, Mariia (2008). Western Values as Perceived by Russians // *Sociological Research*. Vol. 47 (5), pp. 6-35.
- Petukhov, V.V. (2008). Civil Society and the Democracy of Participation // *Russian Social Science Review*. Vol. 49 (4), pp. 4-13.
- Pharr, Susan J., Robert D. Putnam, and Russell J. Dalton (2000). A Quarter-Century of Declining Confidence // *Journal of Democracy*. Vol. 11 (2), pp. 5-25.
- Pipes, Richard (2008). Putin & Co.: What Is to Be Done? // *Commentary*. Vol. 125 (5), pp. 30-36.
- Puddington, Arch (2007). The Pushback against Democracy // *Journal of Democracy*. Vol. 18 (2), pp. 125-137.
- Puddington, Arch (2008). *Freedom in Retreat: Is the Tide Turning? Findings of Freedom in the World 2008*.
<http://www.freedomhouse.org/uploads/fiw08launch/FIW08Overview.pdf>
- Rose, Richard (2008). Is Russia Becoming a Normal Society? // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 16 (1), pp. 75-86.
- Rose, Richard, William Mishler, and Neil Munro (2006). *Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime*. New York: Cambridge University Press.
- Rose, Richard, William Mishler, and Neil Munro (2008). Time Matters: Adapting to Transformation // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 24 (1), pp. 90-114.
- Sakwa, Richard (2008a). Two Camps? The Struggle to Understand Contemporary Russia // *Comparative Politics*. Vol. 40 (4), pp. 481-499.
- Sakwa, Richard (2008b). Putin's Leadership: Character and Consequences // *Europe-Asia Studies*. Vol. 60 (6), pp. 879 - 897.
- Stoner-Weiss, Kathryn (2007). *Russia // Freedom House. Countries at the Crossroads 2007*.
<http://www.freedomhouse.org/uploads/ccr/country-7258-8.pdf>
- White, Stephen (2003). Rethinking Postcommunist Transition // *Government and Opposition*. Vol. 38 (4), pp. 417-435.
- White, Stephen, and Ian McAllister (2004). Dimensions of Disengagement in Post-Communist Russia // *Journal of Communist Studies and Transition Politics*. Vol. 20 (1), pp. 81-97.

(Окончание статьи – в следующем номере журнала)